

Електронна бібліотека видань історичного факультету Харківського університету

Любичев М. В. Роль XII Археологического съезда в исследованиях памятников позднеаримского-раннегунского времени в лесостепи-степи между Днепром и Осколом // Проблемы історії та археології України. Збірник матеріалів Міжнародної наукової конференції до 100-річчя XII Археологічного з'їзду в м. Харкові 25 – 26 жовтня 2003 р. – Харків: Східно-регіональний центр гуманітарно-освітніх ініціатив, 2003. – С. 95 – 97.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництва

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський; А. О. Баскакова

только на сметане появлялись комочки, следовало сильно бить кружком сверху, не перемешивая сметану, а только опуская масло на дно до тех пор, пока оно не собьется в большой комок. Когда масло отделится от масленки, его достают, масленку процеживают через сито, а масло заливали водой, хорошенько промывали, меняя воду по несколько раз, после этого масло сильно солили и складывали в деревянную посуду [13, с.37-38]. Солилось масло для того, чтобы можно было его сохранить на более длительный период времени. Если хозяйка собиралась хранить масло очень долго, то сверху оно заливалось холодной подсоленной водой так, чтобы она полностью закрыла масло. Если масло было приготовлено с соблюдением всех требований, то его можно было хранить около 2-3 лет [13, с.38]. Для получения творога теплое кислое молоко сливали в специальный полотняный мешочек, зачастую он был клинообразной формы. После того, как сыворотка стекла, творог употребляли в пищу или использовали для приготовления начинки в пироги. Из творога также готовили сыры. После того, как сыворотка стечет, мешочек с творогом клали под пресс (между двумя камнями) на несколько дней до полного высыхания. Зачастую этот сыр носил название клинкового. Был известен и рыхлый сыр, сейчас такой сыр называется мягкий. Для изготовления рыхлого сыра творог не перемешивали и не солили, а складывали в клинки, закручивали в полотно и замачивали в соленой воде на сутки [13, с.35].

В заключение можно сказать, что набор продуктов питания, использовавшийся средневековым населением Беларуси, был довольно разнообразен и включал в себя все известные на то время продукты. Технологія приготування деяких страв була відпрацьована настільки хорошо, що практично без змін збереглася до наших днів, що дозволяє нам використовувати накоплені століттями досвід для вивчення культури харчування і в цілому всієї матеріальної культури.

1. Алкогольные напитки. — Мн.; Спб., 1994.
2. Археологія Беларусі. — Мн., 2000. — Т.3.
3. Гусоўскі М. Песня пра зубра. — Мн., 1994.
4. Загоруйскі Э.М. Возникновение Минска. — Мн., 1982.
5. Зайкоўскі Э. М., Тычка Г. К. Старадаўняя беларуская кухня. — Мн., 1995.
6. Калядзінскі Л. У., Ткачоў М.А. Драўляныя вырабы і дрэваапрацоўка ў сярэднявечным Віцебску // Помнікі культуры. Новыя адкрыцці. — Мн., 1985.
7. Киево-Печерский патерик // Изборник: повести древней Руси. — М., 1986.
8. Коробушкина Т. Н. Земледелие на территории Белоруссии в X-XIII вв. — Мн., 1979.
9. Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. — М., 1993.
10. Культура питания. — Мн., 1992.
11. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. — М., 1962. — Т.1.
12. Мурах В. И., Стекольников Л. И. Наш зеленый исцеляющий друг. — Мн., 1987.
13. Наваградскі Т.А. Традыцыі народнага харчавання беларусаў. — Мн., 2000.
14. Новогородский Т. А. Теоретические аспекты изучения традиционной культуры питания // Славяне и их соседи: археология, нумизматика, этнология. — Мн., 1998.
15. Образцовая кухня. — М., 1892.
16. Пех Г. И. Раскопки древнего Слонима // Древности Белоруссии. — Мн., 1966.
17. Пища и напитки // Труды Императорского Вольного экономического общества. — Спб., 1862.
18. Попова Е. Е. Медовые вина. — М., 1961.
19. Похлебкин В. В. Чай и водка в истории России. — Новосибирск, 1995.
20. Тарасенко В. Р. Древний Минск // Материалы по археологии БССР. — Мн., 1957.
21. Штыхов Г. В. Древний Полоцк. — Мн., 1975.
22. Щеглова В. В. К вопросу о животноводстве и охоте в Белоруссии в средние века // Древности Белоруссии. — Мн., 1969.
23. Щеглова В. В. Роль охоты в снабжении мясом населения на территории Беларуси в X-XIV вв. // Сярэднявечная старажытнасць Беларусі. Новыя матэрыялы і даследаванні. — Мн., 1993.

Любичев М. В.

Роль XII Археологического съезда в исследовании памятников позднеаримского-раннегуннского времени в лесостепи-степи между Днепром и Осколом

Археологу, изучающему памятники позднеаримского и начала гуннского времени (180-410 гг.) в лесостепи и прилегающей к ней части степи между Днепром и Осколом, сейчас, в начале третьего тысячелетия христианской эры, трудно представить ту мизерность знаний об этом периоде, бывшую сто лет назад перед заседаниями двенадцатого археологического съезда в Харькове. Открытие В. В. Хвойкой в 1899 г. Ромашкинского и Черняховского могильников под Киевом только положило начало выделению черняховской культуры, носившей много лет название «культуры полей погребений». Отдельные ее вещи оседали в частных коллекциях, фондах, экспозициях музеев Харькова, Полтавы и других городов [9, с.10, 13-14]. Памятники киевской культуры не были известны вообще. Не изучались и подкурганые погребения поздних сармат.

На съезде прозвучали доклады Е. П. Трефилева, В. А. Городцова, А. М. Покровского, Д. И. Багалея, Е. Н. Мельник, содержавшие сведения в том числе и о раскопках позднесарматских погребений. Позднее они вошли в виде публикаций в первый том «Трудов...» съезда. Материалы о находках из этих комплексов присутствуют и в «Каталоге...» выставки на съезде. В 1901 г. Е. П. Трефилев произвел раскопки кургана вблизи Нижней Дуванки Купянского уезда Харьковской губернии. В погребении находился костяк, обращенный

черепом на восток, кости его были разбросаны по яме, вблизи нижних конечностей находился одноручный сероглиняный горшок с отогнутым венчиком. В кургане 2 костяк в скорченном положении был обращен черепом на восток и у нижних конечностей был найден одноручный красноглиняный кувшин, украшенный тремя прочерченными горизонтальными линиями под венчиком. Рядом в дно ямы был вонзен втульчатый железный топор [17, с.131-140].

Возле Сватовой Лучки в кургане 3 могильная яма была облицована деревом, а также имела деревянное перекрытие. Костяк лежал черепом на юг с костями верхних конечностей, вытянутых вдоль скелета. У одной из стенок могильной ямы находился стеклянный бальзамарий шаровидной формы с высоким горлом, сероглиняный одноручный кувшин, орнаментированный по тулову тремя параллельными прочерченными линиями. У черепа размещался сосуд в форме стакана, украшенный волнистыми линиями, остатки одежды малинового цвета. На костяке находилось золотое ожерелье, золотые браслеты в виде полых цилиндров, обувь была расшита узором. В погребении был найден точильный камень. Автор раскопок отнес это погребение ко II-III вв. [17, с.136-138]. В. А. Городцов исследовал погребение №1 кургана 4 вблизи Мечебелово. В катакомбе, находившейся под южной частью насыпи, располагались три костяка с погребальным инвентарем и в виде трех гончарных кувшинов и одного гончарного горшка [3, с.211]. А. М. Покровским в окрестностях с. Бунаковка изучался курган 15. Там в погребении вблизи костяка находились три сосуда: маленький вотивный лепной горшок, округлобкий лепной горшок, гончарный красноглиняный кувшин [7, №98-1000]. Д. И. Багалей исследовал погребение в кургане 2 первой группы в Валковском уезде. Из погребального инвентаря там был в том числе чернолощенный гончарный одноручный кувшин с кольцевым поддоном [7, с.68, 373]. Е. Н. Мельник в кургане 6 возле Воронцовки Купянского уезда исследовала парное погребение в катакомбе. Один костяк был полностью нарушен. От второго сохранились череп, часть ребер, возле которых располагались изделия из бронзы: обломок спирали, пластинка, фрагмент бляшки, бронзовая пряжка, подвязная фибула, а также нижняя часть сероглиняного гончарного сосуда, половина желтоглиняной гончарной миски [11, с.726].

Полевая документация об упомянутых исследованиях не сохранилась. Наши сведения об этих позднесарматских погребениях сейчас базируются только на кратких авторских описаниях в «Трудах...» съезда, «Каталоге...» выставки. Сами вещи, хранившиеся в университетском археологическом музее, историческом музее г. Харькова, исчезли в период немецкой оккупации Харькова 1941-1943 гг. И. Н. Луцкевич в своде черняховских памятников, составленном в тридцатые годы XX в., поместил изображения гончарного горшка, миниатюрного лепного горшка, кувшина с отбитым венчиком из Бунаковки (погр. 15) [8, табл. 1:12; 2:2,4], гончарного одноручного кувшина, железного топора из погребения II Нижней Дуванки [8, табл. 2:3,10], бронзовой фибулы, пряжки, 14 бусин синего стекла из погребения 6 Воронцовки [8, табл. 2:5,8,9]. Горшок из Бунаковки является типичным черняховским гончарным горшком, подобные сосуды производились на территории культуры огромными сериями в нескольких вариантах [10, рис.24:5-8]. Миниатюрный лепной яйцевидный сосуд с загнутым внутрь краем венчика имеет аналогии, в частности, в сарматских погребениях Нижнего Поволжья [13, рис.50:1; 15, рис. 3:8]. Кувшины из Бунаковки и Нижней Дуванки имели хождение и в среде позднесарматских племен [16, табл. 84:6,19], и в черняховской среде [10, рис.49:3]. Бронзовая прогнутая двучленная подвязная фибула с узкой ножкой из Воронцовки относится к группе 16, подгруппа 2, варианту 3 по классификации А. К. Амброза [1, с.57, 60, 64, табл. II]. На фотографии видны ее широкая пружина, передняя тетива, треугольное сечение спинки, подвязка приемника, фасетка на ножке [8, табл. 2:5]. По классификации Е. Л. Гороховского, данное изделие принадлежит к серии Б варианта 2 или 3 (Б2, Б3) [4, с.35]. Вариант Б3 возникает не ранее второй четверти IV в., его крупные разновидности существуют и в V в. На рубеже IV-V вв. использовались отдельные фибулы Б2 с острыми трехгранными спинками [10, с.67].

Фибулы Б3 господствуют на Масловской фазе (350-400 гг.) развития черняховских могильников украинской лесостепи и еще удерживаются фибулы Б2 [4, с.44]. Фибулы Б3 существуют и в Журавской фазе (375/380-420/430 гг.) [4, с.45]. Овальная круглая в сечении маленькая бронзовая пряжка с хоботовидным язычком, имеющим загнутый конец и уступ на основании язычка, относится к серии Д. Эти изделия в черняховской культуре появляются с конца IV в. [10, с.69] и бытуют в Журавской фазе [4, рис. 1:92, с.45].

А. В. Симоненко относит погребение из Мечебелово к фазе 2а (вт. пол. III-нач. IV вв.) его относительной хронологии сарматской культуры Северного Причерноморья [14, с.89]. Погребения из Мечебелово, Бунаковки, Нижней Дуванки принадлежат в общем к позднесарматскому времени. Точнее можно хронологически определить комплекс из Воронцовки по корреляции датировок фибулы и пряжки. Его возможно относить к концу ступени С3 (320-375 гг.), ступени Д1 (360/370-400/410 гг.), началу ступени Д2 (380/400-440/450 гг.) европейской хронологической системы. Комплекс из Воронцовки входит в группу погребений типа Кантемировки (Кантемировка, Лихачевка, Дмухайловка, Моспинская, Ново-Амвросиевка), относимых к фазе В26 хронологии сарматских памятников, то есть к 350-380 гг. и даже позднее, вплоть до начала V в. [14, с.89]. Е. Л. Гороховский датировал комплекс типа Кантемировки-Воронцовки второй половиной-конца IV-перв. тр. V вв. (375/380-420/430 гг.). Это одновременно и поздний хронологический горизонт черняховской культуры, и раннегуннский период от появления гуннов в Восточной Европе до поселения их на Среднем Дунае [5].

Погребение из Воронцовки, а, возможно, также погребения из Мечебелово, Бунаковки, Нижней Дуванки принадлежали сарматам-танаитам. С. И. Безуглов с аланами-танаитами отождествляет катакомбные и подбойные захоронения Нижнего Дона [2, с.86]. Аммиан Марцелин указывает на сопредельность танаитов с гревтунгами (остроготами) [14, с.89]. Остроготы были организаторами, стержнем державы Германариха, археологическим эквивалентом которой являлась в тридцатые-семидесятые годы IV в. черняховская культура. Комплексы из Воронцовки, Бунаковки, Мечебелово, Нижней Дуванки находились в степи на расстоянии 80-90 км и чуть более от границы ареала черняховской культуры, проходившей по линии (приблизительно) Чугуев-Змиев-Новая

Водолага-Коломак-Карлівка-Полтава-устье р. Орель. М. М. Казанский і А. В. Мاستыкова локализують алано-сарматские пам'ятники Поднепровья гуннского времени (періодів Д1-Д2) в среднем течении Ворсклы — нижнем течении Орели (Кантемировка, Ново-Подкряж, Дмухайловка) [6, рис.1:8,9,42]. По мнению исследователей, алано-сарматы расселились на Днестре лишь в финальной фазе черняховской культуры, после разгрома в 375 г. остроготского союза Германариха гуннами и аланами [6, с.125]. Местоположение комплекса у Воронцовки может свидетельствовать в пользу необходимости расширения области обитания алано-сарматов в конце IV-начале V вв. на восток — в бассейн Северского Донца ниже Балаклеи и Оскола ниже Купянска.

А. М. Обломский считает, что раскопки памятников с черняховскими материалами к востоку от Днестра начались с исследования кургана у с. Воронцовка [12, с.20]. Еще в период работы XII съезда В. А. Городцов по составу инвентаря погребения у Мечебелово заметил, что гончарные сосуды из него похожи на посуду «полей погребальных урн» по публикациям В. В. Хвойки [3, с.211]. На территории восточнее Днестра с рубежа XIX-XX вв. находки черняховских вещей в погребениях сармато-алан, которые находились в тесных контактах с черняховскими племенами, вместе с поступлением черняховских вещей в музеи и коллекции до раскопок сугубо черняховских памятников косвенно способствовали изучению черняховской культуры.

Работа XII Археологического съезда дала начало также выделению сарматских курганных захоронений первых веков н.э., что предоставило в руки будущих поколений исследователей ценные материалы по истории племен региона позднеримского-раннегуннского времени.

1. Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. — 1966. — Вып.Д1-30.
2. Безуглов С. И. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в Г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. — Азов, 1990. — Вып.9.
3. Городцов В. А. Результаты археологических исследования в Изюмском уезде Харьковской губ. в 1901 г. // Тр. XII АС. — М., 1905. — Т.1.
4. Гороховский Е. Л. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V МКАС. — К., 1988.
5. Гороховский Е. Л. Кантемировские курганы на Полтавщине и проблема древностей раннегуннского периода на юге Восточной Европы // Охрана и использование памятников археологии Полтавщины. — Полтава, 1988.
6. Казанский М. М., Мастыкова А. В. Аланы на Днестре в эпоху великого переселения народов. — свидетельство Маркиана и археологические данные // РА. — 1999. — № 4.
7. Каталог выставки XII АС. — Харьков, 1902.
8. Луцкевич І. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області // Археологія. — 1948. — Т. 2.
9. Любичев М. В. Черняховская культура днепро-донецкой лесостепи: история исследования и основные проблемы изучения. — Харьков, 2000.
10. Магомедов Б. В. Черняховская культура. Проблема этноса. — Lublin, 2001.
11. Мельник Е. Дневник раскопок // Труды XII АС. — М., 1905. — Т. 1.
12. Обломский А. М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (сер. III — вт. п. V вв. н.э.). — Автореф... докт. ист. наук. — М., 2001.
13. Сеницын И. В. Древние памятники в низовьях Еруслана // МИА. — 1960. — №78.
14. Симоненко А. В. Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье // РА. — 2001. — №4.
15. Смирнов К. Ф. Быковские курганы // МИА. — 1960. — №78.
16. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. — 1989.
17. Трефилов Е. П. Археологическая экскурсия в Купянский уезд Харьковской губ. летом 1901 г. // Труды XII АС. — М., 1905. — Т. 1.

Маярчак С. П.

Каліус: літописний центр Пониззя

Територія Середнього Подністр'я (відома з 1226 р. під назвою Пониззя) [15, с.383] входила у XIII ст. до складу наймогутнішого з південноруських князівств — Галицько-Волинського. Монолітність князівства підточувалася відцентровою силою місцевого боярства, особливо сильного у Галичині. У 1240 р. через землі держави руйнівним смерчем прокотилися монголо-татарські полчища. Власне через Пониззя головні сили Батия не проходили, хоча припускають, що і тут могли побувати невеликі загони монголо-татар [16, с.145]. Порівняно недавно домігшись остаточного утвердження своєї влади в князівстві, галицько-волинський князь Данило Романович постійно змушений був придушувати сепаратизм місцевих бояр, які «...Данила князем собі називали, а самі всю землю держали...». На Пониззі, зокрема, 1241 р. «укняжився» якийсь «попів онук» Доброслав Судич [15, с.398]. Восени того ж року цю територію намагаються захопити й болохівські князі на чолі з Ростиславом Михайловичем, але невдало [15, с.399]. У 1242 р. татари починають зворотній рух на схід. Почувши про це, Данило Галицький поспішає на сепаратистське Пониззя, що навряд чи втратило б нагоду скористатися складними обставинами в державі й звільнитися від центральної влади: «Данило... прагнути встановити порядок у Галицькій землі, поїхав до (городів) Бакоти і Каліуса...» (весна 1242 р.) [15, с.400]. Це єдина згадка про древньоруський Каліус в літописі (Галицько-Волинському).

Ще з початку XX ст. в історіографії територія Каліуса пов'язується із городищем XII-XIII ст. на високому місці за сусіднім з містечком (до початку XX ст., пізніше селом) Калюс селом Гарячинці (вказані населені пункти